ЖИЗНЬ НА ВЫСОКОЙ НОТЕ

Тяжелая травма навсегда оставила человека без движения. Но он нашел в себе силы переломить недуг и продолжал трудиться.

ВТО УТРО в феврале 1972 года Виктор Иванович Зорин, главный дирижер государственного ансамбля «Балет на льду», как обычно, выехал на репетицию. Предчувствия беды не было. На мосту возле метро «Войковская» в заднее правое крыло его автомобиля ударила другая машина. «Я увидел, надвигается что-то огромное, вроде крана...» От удара Зорин потерял сознание...

Его вынесло на противоположную сторону движения; машины, ехавшие по мосту встречно, врезались в автомобиль Зорина.

Ему было тогда 45 лет.

Творческая биография Зорина складывалась до этого на редкость удачно. Он начинал как скрипач, окончил музыкальное училище имени Октябрьской революции как дирижер-хоровик, преподавал дирижирование, пел — у него отличный баритон, в 1953 году ездил с хором московских студентов на IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухарест. Затем учился в Московской консерватории на факультете хорового дирижирования, пока ему не посоветовали поступить на факультет дирижирования симфонического.

— Было очень непросто отважиться пойти на поприще симфонического дирижера, — вспоминает бывший однокашник Зорина, ныне ректор Московской консерватории Борис Иванович Куликов. — Но были замечательные мастера, мудрейшие преподаватели, очень сильная кафедра опытных педагогов. Достаточно сказать, что он попал к профессору Гауку, а Гаук, как известно, учитель Мравинского, Светланова. И одно то, что он удостоился такого внимания, говорит о многом.

Окончив консерваторию, Зорин работал ассистентом дирижера в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. И новая ступень: он — главный дирижер государственного ансамбля «Балет на льду». С академическим образованием пойти на эстраду было смелым решением. И очень ответственным, потому что ансамбль «Балет на льду» в начале 60-х годов только зарождался; первый советский балет на льду, первый московский, Зорин стоял у истоков нового дела.

Десять лет проработал он в ансамбле. Это был дирижер, который сам делал оркестровки, писал музыку. Именно тогда он стал впервые писать музыку. В гастрольных поездках вместе с оркестром побывал во многих городах Союза, в Финляндии, Польше, Турции, Сирии, ГДР.

— Когда за пультом вставал Зорин для нас, музыкантов, это был праздник, — рассказывает В. Лернер, скрипач, ныне инспектор оркестра ансамбля «Балет на льду». — Он был полностью, стопроцентно на своем месте.

Сохранились снимки, сделанные во время выступления оркестра. Вдохновенное лицо дирижера, мужественное и доброе, руки его, чувствующие музыку.

Зорин больше не появился в ансамбле. Диагноз был немолчим — паралич. Но это было потом.

В тот день, когда из больницы позвонили («Срочно приезжайте — Зорин по-

пал под машину. Больше ничего вам не скажем»), его жена Людмила Александровна до последней минуты надеялась, что это недоразумение. Он лежал на каталке. У него не двигались ни руки, ни ноги. Все спрашивала врача: «Шок это, что ли?» Он: «Да-да, шок». Не мог же врач сказать, что теперь навсегда муж будет неподвижным.

Его надо было спасти, и в том, что он выжил, — заслуга и его жены. Отказывали почки, ударил инфаркт, требовался уход и уход. Людмила Александровна больше всего боялась, чтобы муж не потерял интереса к жизни.

А было от чего потерять волю. До операции еще оставалась надежда вернуть подвижность. Операция прошла неудачно. Однако он нашел в себе силы. И выжил, начал работать. Как это было, знает только его семья. Однажды, вернувшись после лечения в Саках в санатории для спинальных больных, он сказал жене, что буквально полон мелодиями, что готов диктовать, было бы кому записывать.

Через некоторое время на радио начали появляться произведения композитора Виктора Зорина. В рабочем порядке, как это и принято на радио, Зорину звонил домой редактор, приглашая на репетиции. Композитор отговаривался недомоганием. Так исполнялась музыка, но самого композитора в редакции никто не видел.

Рассказывает главный редактор музыкальной редакции Всесоюзного радио Геннадий Константинович Черкасов:

— Несколько лет назад я узнал от кого-то, что Виктор Зорин стал писать музыку. Редакция связалась с ним, наладили сотрудничество. Мы с ним вместе учились в консерватории, слышал, конечно, и о случившемся с ним несчастье — автомобильной катастрофе. Вот только не представлял всех ее последствий. Он звонил мне неоднократно, говорил всегда бодрым голосом. Я не знал, что он лежит совсем неподвижно. Он был человеком тактичным и щепетильным, я бы даже сказал. Работал профессионально. Для нас это было новое имя. Эстрадная музыка, небанальные, очень симпатичные вещи, так называемая «легкая» музыка. Кто-то ему переписывал ноты, он все выверял. Эти вещи мы исполняли безо всяких скидок, хотя, конечно, старались помочь ему со сроками, не затягивали исполнение вещи.

На радио никто не предполагал, каким необычным способом создается веселая плясовая музыка Виктора Зорина. Он строго-настроено запретил близким говорить о его болезни — он не хотел снисхождения.

Композиторы нередко сочиняют музыку по внутреннему слуху, но они хотя бы записывают сами. Виктор Иванович стал композитором, несмотря на то, что не мог записывать своей музыки, не мог проиграть ее и даже услышать от начала до конца не мог, пока не исполнит по радио.

ОН ЛЕЖАЛ неподвижно, подвижными оставались лишь глаза, скошенные от постоянного напряжения, и жена его, уходя на работу (двадцать лет она преподает немецкий язык в школе), над кроватью

мужа на бельевой веревке развешивала нотные листы, скрепляла их прищепками, чтобы он мог их видеть. Вот так композитор выверял ноты: лежал и запоминал. Лежал и работал, без единой записи месяцами все держал в голове.

Людмила Александровна уходила из дому не дольше, чем на четыре часа. Оставляла мужу попить: сосуд стоял возле кровати, на полу, трубочка из него тянулась в рот. И прилепляла валидол возле уголка губ, на всякий случай. А когда она возвращалась...

— Еще в прихожей я слышала: «Люся, иди скорее, садись за фортепиано». Сажусь. В шубе. «Бери такой-то аккорд.левой рукой то, правой — это». Он называл буквально нотами, потом диктовал дальше несколько аккордов. Потом просил меня сыграть все подряд, и я уже не могла. Он начинал мне диктовать с удивительным терпением и выдержкой все сначала. Мыслимо ли себе представить — столько лет лежать неподвижно!

Виктор Иванович диктовал переписчику свои сочинения по телефону (конечно, номер он сам не мог набрать), соседи жаловались, что спаренный телефон постоянно занят. Иногда переписчик Г. Попкович приходил к нему на дом. За свою работу он брал символическую плату: Зорин не хотел благотворительности.

— Все было обыкновенно, — рассказывает Георгий Александрович. — Если мы брались за партитуру, в течение двух-трех месяцев мы делали ее.

До того момента, пока вещь не опубликовали, не знал Зорин, как она звучит. Он слышал ее про себя. Но по-композиторски был настойчив. В одном из последних произведений, в пьесе «Вдохновение» задумал он хор. Поскольку хор тогда был временно расформирован, на радио предложили в качестве замены использовать синтезатор.

Виктор Иванович отказался: «Нет, я буду ждать, сколько надо, и, коль я запланировал хор, значит, пусть будет хор».

Он ждал лишний год. Вышла пьеса с хором.

Диктовать он готов был в любой момент. Как и прежде, жил своей работой. В буквальном смысле заболел, когда некому было за ним записывать, если не мог избавиться от мучающих его нот: дыхание прерывалось, сердце начинало биться неровно.

К ситуациям крайним в этой семье привыкли. И все же спокойны бывали редко: любая случайность могла оборвать жизнь. Чтобы ненадолго приподнимать Виктора Ивановича, брат его соорудил кровать с электрическим мотором. Эту кровать летом вывозили на дачу. Когда за городом отключали свет и кровать заедало, Людмила Александровна срочно звонила на подстанцию. Обычно отвечали: «Подумаешь, час или два нет электрического света». Для нормальных, здоровых людей это была всего лишь неприятность. И вряд ли кто-то предполагал, что могут означать эти два часа для женщины, которая срывающимся голосом кричит в трубку. Час или

два без электрического света становились крайней ситуацией: кровать хоть топором руби, а Виктор Иванович уже теряет сознание.

Ухаживая за неподвижным больным, каждый день борясь за жизнь его, сумела Людмила Александровна сохранить в семье глубокую духовность, атмосферу творчества. Это — ее подвиг.

— У нас бывало весело, — рассказывает Л. А. Зорина и дает мне прослушать записи домашних капустников с частушками, которые исполняет он сам.

Летом, в день рождения его жены, за городом собиралась вместе вся семья — двое взрослых сыновей, родственники, знакомые. Виктор Иванович сам вел это празднество, продумывал заранее, что как устроить. Сочинял частушки, пародии. Он, как мог, старался облегчить жизнь тем, кто был с ним рядом.

— Был мой день рождения. Сын привез запись — он договорился, чтобы на радио для нас отдельную пленочку сделали. Тишина была! Мы слушали. По-моему, мне было тогда 50 лет... И когда закончилась музыка, я стала так плакать... А Виктор Иванович воспринимал все спокойно, как должное: он сделал то, что мог.

Она плакала, но была счастлива в тот день. «Витя... Такая музыка! Ты герой, ты необыкновенный человек. Такого еще в мире не было!» Сквозь одышку Виктор Иванович перебил ее: «Ну откуда ты знаешь, было или не было?» И еще запомнились его слова: «Мне нечего добиваться. Мне ничего не нужно».

ОН БЫЛ сломлен только физически. До последнего дня сохранил чувство собственного достоинства, присутствие духа; он не хотел огласки. Ведь эту историю стало возможным рассказать только сейчас, после смерти Виктора Ивановича Зорина.

Уже когда он был парализован, музыка, написанная им для цирка, исполнялась на гастроях в Японии. Семь произведений прозвучало по радио, две песни опубликованы в сборниках. Сюита «Стрекоза и муравей» звучала по радио неоднократно, использовалась телевидением. На телеэкране в передаче «Здоровье» однажды под эту музыку провозили спинальных больных. Печальное совпадение... Музыка Зорина — светлая, оптимистичная, полная любви к жизни.

«Я слышу несколько чудесных вальсов», — рассказывал Зорин, вернувшись из Крыма в последний раз. Вальс «Людмила» посвятил жене. Остальные не успел продиктовать: катастрофа надвигалась, чувствовал он себя все хуже.

...В тот день, двенадцать лет назад, ничто не предвещало беды. Семья ожидала его к праздничному столу. Никто не знал, что жизнь сломается так вдруг, и никто, даже близкие Зорина, не предполагали, сколько мужества, сколько внутреннего достоинства проявится в этом человеке, когда все обстоятельства будут против него. Фирма «Мелодия» предполагает выпустить пластинку произведений композитора Виктора Ивановича Зорина. Эту веселую музыку создавал человек удивительной силы духа.

Александра ДАНИНА.